

Отблеск

Лузянин Даниил

Даниил Лузянин

Отблеск

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69516565

SelfPub; 2023

Аннотация

Он ушел на войну вместе со всеми и вернулся живым. И хотя грохот последнего боя давно затих, а со дня на день грянет 75-я годовщина Великой Победы, каждый день в его памяти вспыхивают отблески тех событий. Они терзают его тело, душу и медленно испепеляют изнутри. Сумеет ли он отпустить прошлое?

Даниил Лузянин

Отблеск

В густых зарослях смородины, крыжовника, в раскидистых ветвях слив, вишен и яблонь спрятался старый особняк. Территория, огороженная выцветшим деревянным забором, занимала шестнадцать соток государственной земли, и, помимо двухэтажного дома и сада, на ней располагалось ещё несколько приусадебных построек. С возвышенности, на которой располагался участок, открывался удивительный глазу вид на долину и широкую реку, начинавшуюся где-то в кроне соседских слив и уходящую в зелёную даль.

Особняк не особо ухожен, некоторые стекла треснули, доски поотлетали, краска выцвела и обшарпалась, крыша покосилась.

С утра сильно парило, после полудня должна была начаться гроза. Степан Николаевич сидел на скамейке в тени вишни, и вот уже краски померкли, потянул ветерок, а с юга выплыла огромная фиолетовая туча, охватившая полнеба. «Как будто окружать собирается, – подумал Степан Николаевич. – Ох, какой бой сейчас будет с бурей. Ну ничего, выстоим».

Грозовой фронт стремительно приближался, ветер крепчал, потянуло сыростью. Степан Николаевич поспешил в дом – на костылях не побежишь. Да и набегался в сорок вто-

ром.

Скрипучая дверь с мутными стеклянными вставками легко открылась – рассохлась. Войдя в полутемную прихожую, Степан Николаевич захлопнул дверь, щелкнул засовом, зажег свет. Замка он не имел, чтобы с ним не возились, если помрет. За окном совсем стемнело. От ветра распахнулась форточка.

– Ну, ну, – прикрикнул на нее Степан Николаевич, – брешь даешь? Сейчас помощь прибудет.

Он доковылял до окна и с силой захлопнул сопротивляющуюся раму. Редкие седые волосы на голове слегка растрепались, но Степан Николаевич не почувствовал этого. Он, не гася в коридоре свет, прошел в комнату. В этой дырявой, разваливавшейся коробке Степан Николаевич и проводил последние 73 года своей жизни. В одиночестве. На комод, рядом со старым телевизором, среди прочих фотографий, а их было немного, стоял портрет родителей. Галина Сергеевна и Николай Борисович Септелинские серьезно глядели с почти выцветшего фото. Мать умерла в 1942-м от истощения. Отец – спустя четыре месяца – от ранения в голову. Степан Николаевич узнал об этом лишь в 1944-м, в госпиталь пришло письмо.

Сам Степан Септелинский повоевал немного. В 1942-м году разведывательный батальон, в составе которого он воевал, столкнулся с фрицами. Несколькими отделениями прочесывали лес. Тогда Степану Николаевичу и перебило ноги.

По лесу шли цепочкой, в метре друг от друга. Внезапно полоснуло автоматной очередью, несколько товарищей упали, но Степан успел прижаться к земле, залечь в редком кустарнике. Противник занял выжидательную позицию. Все немецкие солдаты, а их было семеро, попрыгались.

Короткие очереди мешали сосредоточиться. Решили обходить немцев слева, с тыла. Степан прополз метров пять, когда немцы, заметившие движение, перешли на шквальный огонь.

Степан хотел скатиться в овраг, когда прозвучало три разрыва. Два невдалеке, а один совсем рядом. Все произошло мгновенно: земля содрогнулась, тело, подброшенное вместе с комками земли, перевернулось. Глаза оказались замазаны землей. В ушах звенело. Терялась ориентация в пространстве. Степана подташнивало, он как будто куда-то проваливался.

По земле забарабанил град, да какой крупный. Все посшибает, как в прошлом году, ни яблоч, ничего не будет.

– Обстрел, бомбежка, все в укрытие, по подвалам! – кри-

чал Степан Николаевич и ковылял на кухню.

Свет мерцал, напряжение проседало. «Сейчас как жахнет, все пробки повыбивает!» – подумал Степан. И точно, яркая вспышка, грохот – и свет погас, а вместе с ним затих холодильник. Дом замолчал, как–будто умер.

Степан Николаевич выпил стакан воды и снова вернулся в комнату. Там он сел в старое громоздкое кресло и хотел почитать газету, но потом вспомнил, что без света ничего не увидит.

За окном вся земля была покрыта градинками. Стеной шел ливень. Сверкало и грохотало.

Лицо Степана, освещаемое отблесками молний, исказилось. Он вспомнил, что почти в такой же тьме, шуме, стрельбе, криках, пытался приподняться, привстать, пошевелить ногами. И не мог. Это очень странное чувство, когда знаешь, что нужно сделать, и хочешь это сделать, но ноги не хотят тебя слушаться.

Да какие ноги. Степан наконец протер глаза и с трудом приподнялся. Вместо ног было кровавое месиво. На правой ноге штанина разорвалась почти до колена, а ниже на ниточках кожи свисали куски разрубленного мяса. Из раны сочилась горячая алая кровь и разливалась по студеной земле.

Штанина на левой ноге тоже разорвалась, пропиталась

кровью. В нее попали осколки.

Контуженный, теряющий кровь, Степан Николаевич сумел крикнуть товарищей. К нему подбежал Мишка Белокамов, сдружился еще в самом начале войны. Достал бинты, марлю, стал бинтовать ноги. Марля тут же пропиталась насквозь.

– Держись, – сказал ему тогда Миша, – два фрица осталось, залегли! Но мы побьем их, побьем за тебя!

И убежал. Степан огляделся вокруг. Рядом лежали истерзанные тела еще четырех бойцов. «Надо бы проверить, вдруг еще живы», – подумал Степан, попробовал шевельнуться и потерял сознание.

Очнулся он в госпитале, на столе, когда с его ног сдирали марлю и все, что осталось от штанов. Рвали вместе с мясом, по живому. Жгло так, что Степан не выдержал, снова потерял сознание.

С потолка второго этажа потекла вода, сначала каплями, а потом струйкой. Ветер завывал в худой крыше, и вой этот разносился по всему дому. Степан Николаевич дрожащей рукой оперся на костыли и пошел на второй этаж. Там он бывал редко, только во время дождя, очень уж тяжело было подниматься по лестнице.

Посередине почти пустой комнаты стояли ведра, которые

Степан подставил под прорехи в потолке. Здесь же стоял табурет, на который он присел.

В госпитале на табурете у его койки часто оказывался Мишка Белокамов. Рассказывал последние новости. А потом ушел с фронтом.

Через год, в сорок третьем, Степан стал потихоньку ходить. Левую ногу удалось сохранить, пришлось три месяца разрабатывать ее, ослабла. Да и сам Степан Николаевич стал заметно слабее.

К лету восстановился, остался при госпитале помогать. Чего только не повидал, похуже своего. Кто без глаз, кто без рук, кто без ног, обеих, по самые бедра. Каких страстей только не видел, каких криков, мольбы, не слышал. Многие умирали, не справлялись. «Сколько тысяч солдат прошли через наш госпиталь, – вспоминал потом Степан Николаевич, – каждый третий погиб».

В госпитале ему приходилось оформлять бумаги. Иной раз документов нет. Бывало, что опознают товарищи, но не всегда. Так и хоронили этих безвестных героев. До сих пор многие не знают, где их герои погребены.

За окном светлело. Дождь поумерил свою силу и теперь тихо шумел, ветер совсем стих. Гремело где-то вдалеке.

– Это еще не конец, – сказал Степан. – Самую опасную

точку, конечно, прошли, фронт теперь спереди, но в конце натиск всегда сильнее, чем в середине.

Некогда фиолетовая туча теперь стала светло-серой и рвалась на клочки, а шум дождя на минуту снова усилился, опять хлестало. И вдруг ливень закончился, облака развеялись, мир озарило солнце.

– В такие моменты жить хочется в несколько раз сильнее! – Степан Николаевич распахнул окно. – Свежо, чисто, мир снова живет, и я живу вместе с ним. Как сейчас охота посидеть с товарищами, о жизни поговорить, вспомнить...

А нет товарищей. Мишка Белокамов – тот весной сорок третьего погиб. Получил пулю прямо в сердце.

В 1947-м году Степан вернулся сюда, к Волге, в загородный дом родителей. Сохранился, даже не горел, не обстреливался, как-то стороной обошло.

На следующий день соседка Вероника Андреевна собирала опавшие яблоки. Степан Николаевич отдыхал на скамейке, когда в калитку вошли трое: два молодых человека и один постарше. Все при параде, в костюмчиках, один из молодых людей с портфелем в руках.

– Здравствуйте, – Вероника Андреевна вышла навстречу, – вы к кому?

– Добрый день, мы к Степану Николаевичу, – ответил

мужчина и предъявил удостоверение. – По личному вопросу, вы, может быть, пока прогуляетесь?

– Не надо, – Степан Николаевич медленно поднялся на костылях и протянул свою руку, иссохшую, морщинистую, но еще крепкую. – Здравия желаю! Присаживайтесь.

Мужчина помог Степану снова сесть, и только после сел сам.

– Степан Николаевич, к годовщине Победы в Великой Отечественной войне из Москвы пришло распоряжение. Вы, как ветеран, имеете право на получение нового участка.

Через неделю Степан Николаевич снова сидел на лавке в тени абрикосового дерева и щурился серыми глазами на яркое солнце, на отблески спокойно текущей Волги, на яркую зелень долины.

Хорошо, когда о тебе не забывают. Маленький, но настолько красивый, уютный и добротный домик сразу понравился Степану. Как следует обжиться он еще не успел, все больше времени проводил на улице, вспоминал себя, молодого, статного. Вспоминать и не приходилось, Степан Николаевич жил этой памятью.

Соседи Шаркаровы оказались людьми добрыми, сразу подружились, согласились ухаживать за садом и домом. А их дочь теперь каждый день сидела рядом с дедом и записывала

его рассказы; некоторые переписывала со старых листов на новые, чтобы не пропали.

– Внучка, – Степан повернул голову к сидящей рядом девушке, – записала?

– Да, Степан Николаевич.

– Дальше пиши: сижу в палате, бумаги заполняю, вдруг как закричит... забыл, как звали, он на следующий день умер от заражения крови. Ваней, по-моему. Водку пить совсем не хотел, а как для обеззараживания! Нет! Как огня ее боялся.

Сейчас стало трудней вспоминать те события. В душе Степана Николаевича поселилась едва ощутимая тревога. Что он оставил что-то, какую-то часть себя в старом доме. Может быть, все дело в грозе. Слишком уж хорошая погода стояла последние дни.

– Степан Николаевич, идемте обедать, – у калитки показалась Нина Сергеевна Шаркарова, полненькая женщина лет сорока.

– Идем уже, – крикнул Степан, выхватил у Лизы тетрадь с записями и спрятал в карман. – Помоги.

Елизавета поддержала Степана Николаевича, пока тот перебирался с лавки на костыли.

Нина Сергеевна ждала их. Когда все уселись и принялись за еду, Нина в который раз попросила Степана Николаевича рассказать одну историю, которую ему поведал один смертельно раненый солдат.

«Грудь ему прошило... Мы ничего сделать не могли. А

голова у него помутилась. Слышу бормочет что-то. Наклонился, а он меня за рубашку тянет, чтобы я ближе был и в ухо тычет, чтобы слушал. Он тогда так начал: «Я погибаю, а жизнь свою тебе отдаю, береги ее». Очень удивился я этому. Думаю, прочитал что ли где-то до войны. Понимаю, все-таки ранен...»

И хотя Нина и Лиза, уже не раз его слышали, они снова замерли и внимательно вслушивались в каждое слово, слетавшее с уст Степана Николаевича.

– Ну, а мне что вам рассказать, – Нина незаметно смахнула слезы и улыбнулась. – В городе новый торговый центр открывают, слышали?

Степан Николаевич покачал головой.

– Вот вам сейчас и расскажу.

Под столом раздалось мяуканье.

– Ой, Мурка на прогулку вышла, – Лиза полезла под стол, – спряталась. Хотите погладить? – и передала серебристую кошечку в руки Степану. Он осторожно принял ее, положил и тихонько погладил. Кошка подняла мордочку и посмотрела Степану прямо в глаза.

И тогда Степан понял, что произошло, что ушло из его жизни. Война стала вытесняться новой жизнью. 73 года прожил он в этом мире; то была война, а что до войны было из памяти совсем стерлось, 75 лет с года Великой Победы он жил в мире. А что изменилось в его жизни. Почти ничего. Все 75 лет Степан оставался на войне, продолжавшейся

внутри него самого.

Но мир меняется, всему приходит конец. Степан Николаевич одержал еще одну победу, победу над собой, как над вечным пленником прошлого. Прошлое не вернуть и не изменить. Его можно только бережно хранить. А чтобы хранить прошлое, нужно жить в настоящем. Перемены в жизни Степана Николаевича вернули его в настоящее, где он снова будет жить без страха, горя, без войны, но будет живым примером силы, силы народа, не только физической, но и духовной.